

С НАМИ БОГ И БРОНЕЖИЛЕТ

Наверное, беспокойство перед командировкой в такие места, как Сирия, свойственны любому человеку. Он невольно рисует себе образы и картинки, которые теснят его сознание и теребят душу.

Моё беспокойство отступило от меня только после Литургии в храме под Москвой, у доброго знакомого священника на приходе святого Александра Невского.

В деревянном уютном храме в воскресный день собралось немного прихожан, каждый из которых молился о своём. Я же сослужил Литургию и невольно прислушивался к себе: неужели Причастие не развеет мои внутренние волнения? Если отец Димитрий подарит мне икону Спасителя, которую я просил у него продать вчера, значит это будет для меня добрый знак. Так думал я и ждал. Только знак чего, я не знаю... Он подарил мне икону, и я успокоился. И прослезился.

На следующий день, сидя в машине перед входом в военное учреждение, я вдруг ясно осознал, что войдя в эти двери, я на два месяца потеряю свободу. Вот сейчас меня встретят люди, которые поведут меня туда, куда они посчитают нужным, и я уже не смогу им сказать, что, мол, не хочу идти туда или сюда и не буду уже принадлежать себе в полной мере. Так оно и происходило дальше...

В общем потоке людей с чемоданами и вещмешками уже не думаешь об опасности полета. Надо успеть переместиться в указанное место, несмотря на то, что мой груз увеличился до 60 кг. Колеса на моей багажной тележке разошлись в стороны и встали под углом таким образом, что происходило не свободное движение, а торможение. Хорошо, что вокруг военные (сильные и здоровые люди), они-то мне и помогли поднять мои «баулы» в грузовой отсек Ту-154, который находится в хвостовой части самолета на высоте выше моей головы.

Свечи, масло, уголь, вино, просфоры, облачение, книги и прочее оказались не такими уж лёгкими, несмотря на, что всё это рассчитано только на два месяца.

Три с половиной часа ломоты в коленях от «негабаритного» сидения, и мы уже – на «югах». Теперь нужно принять свой багаж сверху, из люка и «тормозить» тележкой к выхваченному из темноты тусклым освещением терминалу. Среди зелени камуфляжей я в облачении, как черная ворона. Но именно мою «черноту» уважительно замечают и наделя-

ют некоторыми преимуществами относительно других прибывших. Уважительно выкрикивают мою фамилию, держа на вытянутой над головами руке мой служебный паспорт. В нём уже стоит штамп о моём прибытии, а значит я уже законно нахожусь на территории иностранного государства – Сирийская Арабская Республика.

Ожидая транспорт на базу, вспоминаю фильмы про войну, вглядываясь в чёрно-фиолетовое небо, расчерченное на секторы прожекторами ПВО.

Лица в основном серьезные. Если шутки, то – «плоские». Скорей от серьёзности момента, чем шутливости настроения. «Хозяева» лиц – интересные. Многие как из фильмов-боевиков. Удивляют капитаны в возрасте генералов и с выражением лиц свирепых сержантов. Майор, лет под шестьдесят, при первой возможности садится, занимая лучшее для обзора место. Коротко стриженный затылок его седой жёсткой шевелюры выдаёт могучую, загорелую до среза воротника, шею. Он очень похож на Роберта Рождественского. Тот тоже был высоким и широкоплечим. Помню с детства, когда он появлялся в телевизоре, то его плечи занимали весь экран. Но этот, видимо, далеко не поэт, судя по узловатым пальцам и почерневшим костяшкам на тяжелых кулаках.

Невольно задумаешься: а нужен ли я им здесь? Есть ли в их сердцах место для размышлений о вечности и любви? Может быть, я просто для них, как талисман или оберег. Верю-не верю, на всякий случай – не помешает. Думают, наверное, про меня: вот ведь на вид вроде-бы нормальный человек, а вот, поди ж ты, что-то у него заклинило в голове, и в попы подался... Хотя откуда мне знать, что они теперь думают? Может, просто – молятся.

Помню, ехал как-то в Московском метро вместе с одним пожилым священником. Вижу перед собой парнишку с выбритой, как у «панка» головой. Стоит, слегка покачиваясь в такт музыке в наушниках. Кожаная куртка с заклёпками, сапоги с острыми носками и металлическими наконечниками и ещё что-то из мира субкультуры. Вот – что у такого может быть в голове? Страшно представить! Как только на одной остановке вагон метро опустел, парень этот вынул из ушей наушники, слегка оправился и, доставая правой рукой до пола, поклонился моему спутнику. Потом подошёл ближе, сложил ладошки крестом и попросил благословения. Вот, что у него было в голове?! И, что было у меня?!

В темноте и слабом освящении не разобрать, что за город. Водитель небольшого автобуса – громадный «садык» («брат» по-сирийски) ведёт машину, как Шумахер, проезжая между плотно расставленными брустверами.

Множество металлических контейнеров бело-серого цвета с плоскими крышами, образующих проходы в виде улочек, переулков, площадок, в которых кое-где торчат небольшие деревья со скрученными стволами – это и есть наша база.

Абсолютно не чувствуешь, что ты так далеко от своей Родины. Воздух напоминает Крым.

Встречает батюшка – отец Рафаил. Невысокого роста иеромонах с седой бородой и длинными распущенными волосами, такими же седыми. На вид довольно пожилой. Позже

оказалось, что он на пару лет меня моложе. Батюшка быстро идёт между «кимбами», так называются эти контейнеры, почти бежит, чтобы успеть меня везде зарегистрировать. Завтра я должен уехать ближе к Средиземному морю, в Тартус.

Рассказы отца Рафаила о новогодних налётах на базу сильно отличаются от новостных, ведь он был в центре этих трагических событий. «Мы думали, что нас окружили и будут брать штурмом. Осколки от бомб прошивали кимбы насквозь. Мы сидели в бронежилетах и не знали, попадёт в нас бомба или нет. Один офицер стрелял из пистолета по фонарю, думая, что враг «наводится» по свету лампочки. Разрядил одну обойму и, не попав, стал снаряжать другую. Пробегавший мимо офицер оттолкнул его и, взяв камень, с первого раза разбил фонарь. Другой офицер, совсем молодой, хотел перебежать из одной кимбы в другую, открыл дверь, и к его ногам упала бомба и осколком пробило сердце. Сразу скончался. Двух ребят-мусульман убило на улице, между кимбами. Я уже думал, как возьму автомат у убитого и буду отстреливаться до конца. В плен не сдамся. Не уверен, что выдержу пытки».

Я слушал батюшку и представлял, как мог, его страшные минуты испытаний. На карте он мне показывал, где наши и где игиловцы и прочая нечисть. Ужасала близость смертельно-опасного столкновения. Вот здесь, недалеко, а не по телевизору.

Когда собрались спать, я выключил свет и стал раздеваться. «Ты что, собираешься спать без света и раздетым?» – как бы шутя, поинтересовался отец Рафаил. Спали при свете и одетыми, чтобы знать куда бежать и где бронежилеты. Заснули в два, проснулись – в шесть. Помолившись, пили чай, и снова – рассказы о войне. Надо было выговориться.

Время отправляться в Тартус. Пошли слушать инструкции по передвижению под охраной двух морпехов с автоматами. Кроме меня едут ещё офицеры в «брониках», с автоматами и генерал-лейтенант.

Проходя мимо щита, я увидел надпись, что-то вроде: «Информация о профилактических мероприятиях по устранению запрещенных средств связи». На этом довольно большом щите большими ржавыми гвоздями были приколочены рядами ноутбуки, планшеты, смартфоны. Зрелище доходчивое для создающих видимость недопонимания. Мне сразу представился и мой недешёвый гаджет, зверски «убитый» гвоздём «зэгэтешника» (ЗГТ – защита государственной тайны). Мой кнопочный телефон был осмотрен ещё по прилёте, в результате чего было рекомендовано заклеить фотокамеру скотчем или пластырем. Однако впечатление от «сотового кладбища» и так надолго отбило желание доставать телефон из кармана, да и кому здесь звонить?

Итак, мы двинулись на морскую базу, оставляя за спиной оглушающий рокот двигателей наших самолётов, которые, кстати сказать, взлетали и приземлялись всю ночь так, что даже заглушали наши разговоры.

Около двух часов глядя в окно, я не увидел ничего достойного для запоминания. Казалось, что мы едем в каком-то захолустье или пригороде какого-то незначительного городка. Все вокруг было какое-то кривое, недостроенное, временное, похожее на участки земли под огородное строительство, когда на них поставили временные будки. Только эти «временные» будки уже покосились от времени и, в силу закона энтропии, потихоньку распадаются на части. Удивили пустоватые дороги. Машины, в основном, старые и разбитые. Редко попадаются и современные авто, за рулем которых сидят холёные, не в пример большинству местных жителей, хозяева жизни. На домах плоские крыши и черепица на них добротная, настоящая, глиняная, скорее оранжевая на солнце, чем краснокирпичная.

Батюшка, который встречал меня на базе, оказался «деловым катком», что, видимо, свойственно людям невысокого роста. Он пробыл здесь один месяц, но, судя по его манере общаться с военными, перезнакомился с большинством из них. Рассказал мне о схеме его богослужений, часть из которых я отверг по причине, на мой взгляд, канонического несоответствия установлениям Церкви. Бог ему – судья.

Посвящая меня в тонкости быта, батюшка сводил меня в местную лавку, где можно купить разные хозяйственные вещи и продукты. За прилавком – местный сириец с ярко-рыжими волосами, который довольно неплохо понимает нашу речь. Он же может пополнить счет на телефоне на местную симкарту, которую можно здесь купить и вложить в кнопочный телефон.

Уже ближе к вечеру отец Н. уехал в Хмеймим или «Химки», как здесь принято называть этот город, на том же автобусе, на котором привезли меня. Его сопровождали те же морпехи и офицеры во главе с генералом-лейтенантом с лицом скорее директора школы, чем военного. Генерал попросил меня сфотографироваться с ним под пальмой, стоящей посреди плаца, где проходят построения личного состава. Экзотика – с попом под пальмой в Сирии!

Поселили меня сначала в общей казарме. Правда, место было у меня более удобное, у окна, где рядом был поставлен небольшой столик со скатертью и электрочайником. Это было моей привилегией, вместе со отдельным шкафом для одежды, стоящим у ближайшей стены. Подъем в шесть, отбой в двадцать два часа, как и положено в армии.

В первый же день я решил составить для себя план моей богослужебной деятельности и, опираясь на те расписания, которые я нашел в храме от прошлых священников, вывел для себя следующее.

Ежедневно, кроме субботы и воскресения: утреннее молитвенное правило – 6.10

Молитва на плацу и благословение воинов – 7.20

Ежедневный молебен и панихида – 12.45

Вечернее молитвенное правило – 20.00 и собеседование

Суббота: Обедница, Исповедь, Причастие, Помазание святым елеем – 6.20

Вечернее богослужение: как правило, чтение канонов ко Причастию – 18.00, Исповедь перед Причастием

Воскресение и праздничные дни: Литургия – 5.30

Чтобы подготовиться служить Литургию нужно вставать в 4.10, а ежедневный подъем в 5.30, чтобы успеть помыться до общего подъема и спокойно идти в храм к утренним молитвам.

Храм святого праведного воина Феодора Ушакова построен недавно из калиброванного бревна и вмещает в себя около 35–40 человек, что вполне обосновано по текущему запросу верующих военных. В нем было все необходимое для богослужения, кроме подризника, просфор и вина, которые привозят сюда сменяющие священники.

Через три дня меня все-таки перевели в отдельную кимбу, расположенную в городке морской пехоты. Две ночи я спал на узкой железной, прогнувшейся гамаком, койке, от скрипа которой я невольно просыпался. Однако не скажу, что меня это как-то сильно беспокоило, так как вся обстановка здесь все-таки пронизана ощущением если не войны, то близких боевых действий. Если проще сказать – отсутствием безопасности. Все время слышался шум наших установок противовоздушной обороны и радиоэлектронной борьбы.

На первой же неделе сообщили о гибели тридцати девяти человек в упавшем около Хмеймима самолете. Ребята, после своих трех-четырех месяцев в Сирии, летели домой на Родину и так и не увидели своей родной земли...

Как ни старались мои ребята скрывать свои переживания по этому скорбному поводу, лица у всех «посерьезнели». «Жалко пацанов – летели домой» – вот реакция многих здесь, в скудных словах. Тут не принято «смаковать» такого рода новости, чтобы не рвать и так ноющее сердце. Любой из нас может быть на таком же месте. Новости эти – это теперь и моя жизнь, а не где-то в телевизоре.

Я пришел в храм, сгрёб одной рукой разом пучок свечей и расставил их в песочном заупокойном подсвечнике. Свечей оказалось ровно столько сколько погибло ребят. Пел панихиду с особым чувством, что меня слышат те, которые летели домой...

Через несколько дней автоматная пуля, пробив крышу столовой, где мы обедали три раза в день, на излете вонзилась в пол рядом с поваренком Лёхой. Он сказал мне, что почувствовал ветерок от пули, пролетевшей рядом с его головой. «Если бы в голову, то всё» – прокомментировал с улыбкой Лёха. Здесь об этом говорят как-то спокойно, без выпученных глаз и без надрыва: мол, – «Представляешь?!» Все прекрасно понимают, что пуля могла прилететь в каждого из нас, так как крыша кимбы, как выяснилось теперь, не спасает даже и от пули. Можешь спать спокойно, все равно деться некуда... Поначалу я раскладывал бронезилет, ориентируя его на дверь, а теперь – зачем?

После этого случая, с согласия генерала, я с иконой Спасителя, подаренной мне отцом Димитрием, малым крестным ходом обошел весь наш гарнизон. Впереди шел офицер, который вел нас «правильной» тропой, чтобы не попасть на свои же ловушки, затем – боец с иконой в руках и я – с кадилом и песнопениями. Столовую и штаб окропили святой водой. Все это воспринимается с пониманием, и нет на лицах недоумения и иронической улыбки. Атеисты не обнаружили.

Говорят, здесь кобра живет, где-то за туалетом. Метра два длиной. Но она такая вроде бы ядовитая, что сама себя пугается, чтобы кого ненароком не укусить и не ответить потом за это...

Не остыли ещё впечатления от «Лёхиной пули», как из «Химок» опять страшные новости: налет самодельных дронов унес жизни двух человек и покалечил нескольких ребят, попавших в реанимацию.

Литургия в этот воскресный день не служилась ввиду дальнейшей опасности. В день налета отец Н. вышел из своей кимбы раньше обычного на пятнадцать минут и пошел в храм. Примерно через пятнадцать минут около его кимбы разорвалась бомба и «прошила» осколками его жильё, а в соседней с ним кимбе маленьким осколком в голову убило молоденького офицера, два дня тому назад прилетевшего на службу. Он спал головой к выходу на плац, куда и упала бомба. То есть возможность таких налетов не устранена, и наша база не исключение.

Утром поехал по нашим постам, укрепленным тяжелой техникой и вооружением, окропляя солдат святой водой и помазывая их святым елеем. Грустные улыбки... А что еще остается...? Все всё понимают... Генерал поинтересовался: «Как там пацаны? Что говорят?». Конечно же, он беспокоится о морально-психологическом состоянии вверенной ему оперативной группы.

Шуток вокруг стало еще меньше. Тот старший прапорщик, который раньше встречал меня какой-нибудь незлобной шуткой, теперь смотрит на меня предельно серьезно. Мне вспомнились какие-то обрывки из фильмов про войну с Василием Шукшиным. Теперь они воспринимаются как-то по-другому.

Настоявшийся запах пота в моей кимбе наконец-то ударил в нос, когда я вернулся после утреннего молебна на свежем воздухе на плацу. Переживай не переживай, а стираться надо. Ведро, порошок, мыло, холодная вода и вперед! Запах переменялся на свежий, порошково-мыльный. Одна майка быстрее, чем остальные, высохла прямо на мне под легкой рясой.

Солдатско-поповские будни...

Отвлекаешься...

Пока опять не подступят мысли об убитых солдатах и их матерях. А мне в «Химки ехать в конце месяца». Сколько мне ещё Господь судил пожить? Вот тебе и море с пальмами!

На нашей базе есть одно удивительное место. Оно организовано для общения военных и гражданских со своими близкими и родными по особому телефону. Это металлический столик на одной трубе вместо ножки, на который выносятся необычный телефонный аппарат. Возможно, он только для меня необычный, потому что я нигде и никогда такого не видел. Так-то раз, проходя по широкой дороге вдоль нашей базы среди огромных платанов и дойдя до этого места, я почувствовал какую-то его притягательность и светлую радостную энергию, как будто исходящую от столика с телефоном. Мне вдруг подумалось, что вот он, тот самый, так называемый портал связи с нашими любимыми и родными. Через него все стараются передать и получить что-то самое тёплое, сокровенное, еле уловимое и далеко не всегда облечённое в словесную форму. Говорят одно, а между слов чувствуется что-то другое, почти незаметное, но очень нужное и ожидаемое, родное. Вот здесь, в этом невзрачном месте, у серой бетонной стены пролегает тот самый невидимый пучок нитей связи, соединяющих многие-многие сердца, находящихся здесь и там, далеко-далеко отсюда. Там на нашей огромной Родине.

Есть здесь и другой «портал связи» – наш храм. И через него тоже проходят эти невидимые нити связи, но только на том конце – Один Абонент, близкий нам, слушающий и слышащий нас всех и всегда, наш Господь. К сожалению, очередь сюда, как у телефона, не выстраивается. Но это до тех пор, пока не прижмёт. Господи, да и пусть не прижмет. Дай только память о Тебе и укрепи силою Твоей!

Дни мои здесь сильно увеличились, так как никто не крадёт моего времени. Ни телевизор, ни интернет, ни пустые разговоры по телефону, ни излишние чаепития. Между молитвами в храме – чтение Священного Писания и другой духовной литературы. Наконец-то добрался до непрочитанных вещей классической литературы. Открыл для себя Гончарова. Перечитал Ирвина Стоуна о жизни Ван Гога. Всё это помогает и в общении с личным составом базы, так как вырывает тебя из суеты и формирует уверенное спокойствие.

Пригласил командир Службы специальных операций (спецназа) освящать расположение его засекреченного подразделения. Он предупредил заранее, что в комнатах будет много оружия. Решили, что будем освящать и оружие. «Много» – это не совсем то слово, которое подходит к тому арсеналу, который я там увидел. Из всех щелей и положений на меня смотрело множество и множество стволов с потрясающей разницей калибров. Я, ес-

тественно, не подал виду, что поражен этим зрелищем, как будто мне только и приходилось освящать «оружейки», в которых живут люди.

Бойцы спецназа стояли в шеренгу вдоль длинного коридора лицом к той самой иконе Спасителя и внимали словам молитвы, заключенной в стройное чинопоследование военного требника. После отпуска я говорил о странной моде среди теперешних спецподразделений увлекаться языческими культами, мотивируя это тем, что христианство – это религия рабов. Спрашиваю, вглядываясь в эти открытые, спокойные, мужественные лица: «А что Александр Невский тоже был раб? А Димитрий Донской? А Даниил Московский? Александр Пересвет и Андрей Ослябя, Феодор Ушаков и Александр Суворов, который любил петь на клиросе в храме и подавать кадило священнику во время богослужения, тоже рабы? А Кутузов, погнавший самого Наполеона до Парижа, который на коленях стоя, как ребёнок громко целовал икону Казанской Божией Матери, о чем подробно пишет Толстой, которого трудно заподозрить в особой любви к Православной Церкви. Говорил я им и о том, что дух творит формы, а мы, люди, творим слово согласно тому духу, который в нас. Надо задуматься, что мы и как говорим. Какого духа наши слова? Ведь в мате нет ни капли любви, дружбы, добра, света. Так чьи же мы тогда рабы, если против своего произволения творим словесную скверну? Рабы Бога или дьявола?»

Потом все целовали напрестольный крест, хотя позже оказалось, что среди бойцов были и мусульмане.

Через несколько дней командир сказал мне, что один из его «стариков» долго думал и выдал, наконец, что он полностью согласен с батюшкой. С улыбкой командир добавил, что это дорогого стоит. А другой боец потом при встрече сказал, что нам больше не на кого полагаться, как только на Бога, и когда они видят священника в рясе, идущего по базе, они уже чувствуют Его поддержку. «С нами Бог и бронжилет», – добавил спец с улыбкой. «Спасибо, что Вы есть!»

Только что позвонил отец Н. из базы Хмеймима и сообщил, что меня оставляют в Тартусе до конца командировки. Я встал на колени перед иконой Спасителя... Видимо, мне здесь будет удобней подготовить Пасхальную службу, чем новому священнику, который приехал бы сюда, что называется, «с корабля на бал».

Служил Литургию сегодня с особой радостью. Вчера один боец вечером спросил меня, будет ли служба и когда? Я ему сказал, что обязательно будет, и что я начинаю в 5.30, а ему лучше приходиться пораньше. Сегодня только прочитал входные молитвы, смотрю заходит тот парнишка в храм, а на часах 4.48. Мне его стало жалко: мог еще поспать чуток. Я вынес ему стул из Алтаря. «Посиди, – говорю, – еще до службы больше получаса». Он взял брошюрку Последования ко Святому Причастию и сидя стал читать, с трудом сдерживаясь, чтобы не заснуть. К 5.30 подошли ещё четверо, и тихо, спокойно началась служба.

Причастились все. Здесь не знаешь, что с тобой будет дальше, и лучше быть готовым ко всему... Лучше причащаться при любой возможности.

Недавно ездил в сам город Тартус с полковником, обеспечивающим тыл. Мы должны были закупить продукты и что-то там ещё. Я читал приказ генерала на наш выезд, в котором говорилось об обстановке в районе Тартуса, и мне стало не по себе. Но отступить было стыдно.

Удивило, как тут происходит движение транспорта по улицам. Все водители постоянно сигналият. Причем эти сигналы имеют какие-то различные значения и смыслы, чуть ли не языковую форму. Водители как будто переговариваются между собой. То ли это звук: «проезжай», то – «пропусти», или «внимание – я еду», или просто – «привет, как дела».

Запомнилась Пальмовая улица, где на разделительной полосе растёт целая колоннада из пальм, очень похожих на ноги слонов.

Подходя к рынку, мы переступили через засохший сплюснутый трупик крысы. Я подумал: ведь она же не сразу засохла, да и не сразу сплюснулась, чьи то ноги её сплюсцивали...

На базаре, в основном, – мужики, как и у нас: те же лица и те же желания. В разных концах рынка вдруг заорут совсем нечленораздельно какие-то молодые мужики. Орут истерично, а посмотришь на них, испугавшись неожиданного звука, а лица у них абсолютно без эмоций, как будто рот у них сам орёт, а они тут ни при чем. Как собаки лают просто так на прохожих, до которых им нет никакого дела. Эти глашатаи могут даже немного удивиться, что на них смотришь, ведь это так принято – орать, зная, что всем всё равно. Мне это напомнило наши подмосковные электрички с вагонными продавцами всякой «полезной» чепухи. Пассажирам жалко их, вот и покупают у них чего-нибудь в виде подаяния. Мне всегда за них как-то неловко. Думаю – другим тоже.

Здесь, как и у нас на рынке, у входа цена в два раза выше, чем в глубине. Я высказал это предположение вслух, и мы с полковником в этом убедились, пройдя всего лишь шагов пятьдесят вглубь рынка. Нас сопровождал целый генерал в форме Сирийской Армии и его боец с автоматом «Калашникова». Генерал – из местного «Мухабарат» (название их КГБ) по имени Зухер. Он учился когда-то в Питере в академии. Когда мы проезжали мимо какой-то большой школы, Зухер сказал, что там работает его жена заведующей. Надо сказать, что во внешности Зухера не было ничего не только генеральского, но даже и военного. Казалось, что если с него снять форму, которая похожа на наши рыбацкие костюмы, то он сойдет за простого продавца апельсинов. Звезды здесь на погонах вышиты яркими желтыми нитками и еле-еле помещаются на погоне, даже у младших офицеров. Вид у этих погон, как у наших маршалов, говорю без преувеличения.

После закупок продовольствия мы побывали и в магазине для туристов, где кое-что купили в подарок для своих близких. Здесь, в основном, покупают кашемировые женские платки сирийского производства.

Надо сказать, что наш полковник был без каких-либо знаков воинского отличия (шеврон и погон). Благо сейчас это всё крепится на форму с помощью «липучек». А форма и у полковника и рядового нашей армии внешне одинакова.

В банке, где мы меняли наши деньги на сирийские, он (полковник) попросил своего знакомого «банкира» и Зухера сфотографироваться на память. Я сфотографировал их, улыбающихся, и подумал: неспроста он это делает. Потом полковник и сам проговорился. А с виду всё было весьма естественно и как бы в шутку. На самом деле здесь не всё так просто. Наши здесь только – наши, а сирийцы – тёмное болото... Где здесь «спящие ячейки», кто их знает? Восток – дело тонкое... Это не просто для «красного словца» сказано. Возможно, нас не бомбят до сих пор только потому, что всем нужны оружие и боеприпасы, которые поступают в порт Тартуса, где и находится наша база.

Среди звуков, которые сопутствуют местному жизненному колориту, есть звук, к которому привыкнуть нельзя или, лучше сказать, невозможно. Это звук выстрела СПГ (станкового противотанкового гранатомёта). Бывает в быту у нас так, когда кто-нибудь громыхнет сильно чем-нибудь или чихнёт у самого уха, мы невольно пугаемся и даже готовы замахнуться от испуга на виновника этой неожиданности. Так вот от СПГ так всегда, даже если ты знаешь, что сейчас будет выстрел. Мне приходилось стрелять в мою солдатскую бытность из зенитной пушки 57-го калибра, при стрельбе из которой, по инструкции, нужно открывать рот после команды «огонь», чтобы не лопнули ушные барабанные перепонки. Так вот грохот от этой пушки, наверное, вполтину тише, чем от этой «шайтан-трубы», как её «нежно называют» вражьи люди.

Возможно, моё «зенитное» прошлое, я ведь был «первым номером» на орудии, который наводил ствол пушки по азимуту и жал педаль для выстрела, ну и любопытство, конечно, тоже подтолкнуло меня подойти к стреляющим по учебным целям. Учебная цель была проста – затонувшее в море, недалеко от базы, гражданское судно. Генерал, который был у СПГ с проверкой, на мой вопрос, могу ли я здесь находиться, ответил утвердительно и с улыбкой сказал, что мне можно даже и выстрелить. Я скромно отказался, мотивируя это тем, что мне вроде бы как и не положено.

Передо мной была вот эта самая «шайтан-труба», которая и производила тот страшный звук. Нужно добавить к сказанному то, что перед тем, когда происходил выстрел, было такое чувство, что СПГ, как будто живой организм, сначала вбирал (вдыхал) в себя окружающий воздух с тем, чтобы со страшной силой его выдохнуть, а лучше сказать, изрыгнуть. Иначе трудно понять: если без воздуха – то откуда этот потенциал... Старший офицер, майор – руководитель стрельбы, был в специальных наушниках. Невдалеке, кучкой в ожидании для подхода к оружию, стояли бойцы из военной полиции. Один старшина громко рассказывал, как видел в интернете сюжет, в котором два боевика зарядили СПГ и

с криками «Аллаху акбар» погибли от разорвавшегося во время выстрела ствола. Рассказ был как-то не кстати. Очередь стрелять подошла к одному бойцу ярко выраженного мусульманского вида. Он всегда повязывал на шею, поверх камуфляжа, платок «арафатку» – отличительный наряд мусульман. Мне показалось, что обычная спесь на его побледневшем лице, куда-то исчезла. Он выполнял с видимой сосредоточенностью все команды майора и произвел выстрел. С самодовольным видом он вернулся к группе ожидающих свою очередь.

Неожиданно для меня, майор с улыбкой предложил и мне выстрелить. Неужели же я, русский поп в присутствии мусульман, хотя и наших мусульман, мог отказаться. Да не будет этого!

Я снял с себя наперстный крест, положил его в нагрудный карман и стал снаряжать СПГ. Делал всё самостоятельно, по инструкции стоящего рядом офицера. Зарядить СПГ не так-то просто и быстро. Нужно выполнить целый ряд манипуляций.

Перед взведением спускового механизма, я перекрестил гранатомёт, встал на одно колено и, крикнув «огонь!», нажал на спусковой крючок... Ничего не произошло. Кроме слабого щелчка. Я крестил СПГ, взводил механизм и нажимал на спуск ещё два раза, но, увы, безрезультатно. Потом принесли новый заряд из другого ящика, мотивируя это тем, что этот мог прийти в негодность из-за срока давности, но после очередного крестного знамения и второй осечки уже с новым боеприпасом я встал с колена и сказал, что, видимо, нет на это благословения. Мусульмане в сторонке тоже заголосили: «Да-да, батюшка, нэт благословения». Да уж... Но зато сколько раз я самозабвенно кричал: «Огонь», и бойцы, стоящие поодаль, открывали рты и затыкали уши!

Надо сказать, что СПГ оправился не сразу после моего ухода с позиции. Я уже подходил к своей кимбе, когда через минут десять услышал еще только один этот страшный грохот, после которого хочется замахнуться... На следующий день «бомбили без осечек».

Вечером, встретив меня на дороге к штабу, командир спецназа спросил меня с улыбкой: «Ну, как отстрелялись?» «А что, – говорю, – знаете, как я стрелял?» «Да уже все знают! Правильно всё – надо по врагу стрелять!»

На праздник Входа Господня в Иерусалим пошёл нарезать пальмовых веток. Ветки оказались очень жёсткими, а верхушки длинных листьев очень острыми, как иглы, так что я укололся больно, до крови. Вот не думал, что первую кровь, которую я здесь увижу, будет моя кровь – от пальмовой ветви... Резать нужно было очень аккуратно, чтобы ещё и пальцы не порезать о края жестких листьев. Оказалось, что ветви пальмы очень похожи на наш камыш, только гораздо жёстче. Ещё нарезал ветвей от деревьев с жёлтыми цветами, очень похожими на мимозу. В сочетании с пальмой получилось довольно красиво, и храм преобразился.

На Литургию к 5.30 пришло девять человек, шесть из которых причастились. Пришли двое гражданских из самого дальнего места стоянки наших судов. Шли ночью через сирийские расположения около получаса. Один мужчина лет пятидесяти пяти и парень лет двадцати пяти. Они не были уверены, что придут сегодня, так как вчера после исповеди сказали, что их капитан – атеист и вряд ли отпустит. Сегодня тот, кто постарше, сообщил, что капитан не только отпустил, но даже остался за него на вахте на время, пока он будет на службе. Служба прошла «гладко» и торжественно, несмотря на то, что служил и пел я один. Давно я хотел научиться служить один, чтобы не зависеть от возможностей хора. Вот Господь и научил. Теперь, если доберусь до большой земли, смогу служить по будням, когда захочу, невзирая на отсутствие певцов, а чтецы, думаю, у нас найдутся.

Генерал, стоя во время утреннего развода под раскидистыми пальмами, поздравил меня с Вербным воскресеньем. А один мужичок, проходя вчера около храма и видя, как я его украшаю, спросил: «Что это вместо вербы решили такими ветками украсить?» «Да нет, – говорю, – это мы вербами обычно украшаем вместо вот таких веток». Думаю, он не поверил. Подумал, наверное, что я шучу.

Каждый день Страстной седмицы я разучивал пасхальные песнопения. Ощущения при этом весьма необычные. С одной стороны – Великие дни Страстной с её внутренним смысловым содержанием, с другой – слова Пасхальных песнопений, которые не могут не оставлять отпечатков радости. Опыт – необычный... На приходе этого всего не замечаешь, так как погружён в скорбные дни воспоминаний Страстей Господних, а певчие между этими длинными службами уже пропевают утреню, стихиры, Часы Пасхальные. Думаю, что они в какой-то степени лишены той эмоциональной полноты восприятия этого великолепного взрыва радости от веселия слуха сердечного... Пишу сейчас эти строки, а в двухстах метрах от меня СПГ сначала втягивает в себя окружающий воздух, чтобы потом с таким ужасом его выдохнуть. Мне кажется даже, что за мгновение до взрыва ты кожей чувствуешь этот втягивающий атмосферу «вдох», а потом жалеешь, что вовремя не открыл рот. Звенит в ушах!

Так вот, я, конечно, предполагал, что трудно будет и служить, и петь одному всю Пасхальную службу, но как обычно говорят, не думал, что будет настолько трудно. Бедные-бедные наши певчие, которые вынуждены дышать кадильным дымом, когда мы, священники, стараемся прибавить «жару» и подбросить больше ладана в кадило! В алтаре гарнизонного храма, где я служил, нет никакой вытяжки, а окно открыть нельзя, так как в четверг генерал приказал своим солдатам обновить храм химической олифой. Я пытался открывать окна, но дышать тогда совсем тяжело. Ядовитые пары оседают на голосовых связках, и тогда совсем туго. Народу пришло столько, что храм не вместил всех желающих, и люди стояли на улице при открытых дверях.

Слава Богу, что нашлись два человека: один – фельдшер с тральщика, а другой – военный атташе, которые почитали Деяния Апостолов, пока я исповедовал желающих, а то пришлось бы всех отсылать из храма для соблюдения тайны исповеди. Днём я так и делал: бойцы стояли на крыльце храма и заходили к исповеди по одному.

По милости Божией, служба прошла на одном дыхании! Мне приходилось между пением и вздохом, руками, глазами и короткими фразами обучать атташе, как чистить кадило от сгоревшего ладана, чтобы гарь не оседала в горле и не щипала глаза. Военные, а я их заранее попросил, усердно пели: «Христос воскрес из мертвых...», но, к сожалению, только со мной вместе...

Удивительно то, что когда служба закончилась, все подошли ко кресту, и всех я окропил святой водой, то большинство военных осталось стоять в храме. Потребление Святых Даров мне пришлось отложить и выйти из алтаря. Никто не хотел расходиться, хотя времени было уже два часа ночи. Трудно, вернее невозможно, что-либо добавить к словам Иоанна Златоуста и нашего Патриарха, но мне пришлось всё-таки говорить ещё и от себя. Я говорил о словах Апостола Павла о тщетности нашей веры, если Христос не воскрес... Половина храма была заполнена ССО-шниками (служба специальных операций), а им надо говорить не то, что говорится в приходском храме. Бог дал, и вроде бы лица оставшихся не «скисли», и мы остались довольными друг другом. Служба закончилась в третьем часу ночи. Лёг отдыхать я около четырёх, а в шесть тридцать уже – подъём и утренний молебен на плацу. На мой возглас: «Христос воскрес!» все кроме мусульман ответили: «Воистину воскрес!»

Потом на четырёх кораблях – молебны, освящение пасхальной снеди и общение с личным составом.

Весь следующий день занимался установкой на звонницу колоколов, присланных из Москвы на Пасху. И после их освящения впервые в истории над базой Тартуса зазвучал пасхальный перезвон (вот, где мне пригодились навыки звонаря, приобретённые во время послушания в храме Спаса-на-водах).

Да, чуть не забыл: нужно чётко и крепко знать ответы на вопросы: «Почему мы «едим» Тело и Кровь Господа, ведь мы не людоеды?» И второй: «Почему мы должны называть себя рабами?» Хотя и Божиими, но рабами? И именно эти самые вопросы мне задал старый еврей, когда я собирался уже спускаться по трапу очередного корабля, где меня дружелюбно и с большой радостью встретил экипаж.

Прошла Светлая Пасхальная седмица в атмосфере тихой светлой радости. Во всём окружающем меня мирке я чувствовал умиротворение и покой. Как будто напряжение дней Страстной седмицы имело тяжесть сгустившихся облаков перед сильным проливным дождём, с громом и молниями. И эти громы громыхали, и молнии сверкали, пересекая ло-

маными электрическими змейками серое свинцовое небо в часы Распятая. Потом всё стихло, и наступила ожидаемая каждый год тишина Великой Субботы. Потом – «предтеча» великой радости – схождение огня в Иерусалиме и, наконец, Свет, пронизывающий всякое естество!

На плацу, перед пасхальным молебном, прямо перед строем личного состава базы, два местных пса больших размеров резвились, просто как щенки, играя друг с другом, убегая и прячась всей своей огромной массой. Начальник штаба, проводящий построение, улыбаясь, громко, во всеуслышание сказал: «Глядите, как твари веселятся!», – имея в виду пасхальную радость.

Трижды на мой возглас: «Христос воскрес!» четыре «коробки» воинов чинными низкими голосами ответили: «Воистину воскрес!» Они не проговаривают последнюю букву «е», видимо считая для себя это чересчур умильным и не подобающим «военному сану». Промолчали только мусульмане и буддисты. Но, думаю, радости они тоже не лишлись, ведь слова Тертуллиана никто так и не оспорил.

Вот только в ночь на Светлую Пятницу некто, по прозвищу «Рыжая обезьяна», решил подгадать со свойственной его духу гадливостью и ирродиться плодом разрушения, предварительно поразив тупостью своего «остроумия». Это тот самый Трамп, отдавший приказ атаковать Сирию ракетами. Вот также неймётся трубочисту, зашлифованному жирной сажой и гарью, облапать выбеленную пшеничной мукой и пахнущую свежим хлебом куртку пекаря, который раздражает его своей белизной.

Сейчас я понимаю, что два месяца жил среди возгласов типа: «Рота, подъём!; Строиться в любой форме одежды!; Становись – отставить!; Равняйся – смирно!» и так далее. Люди, как лошади, стоящие в абстрактно обозначенном строю, ожидающие других, чтобы двинуться на приём пищи или к машинам, везущим их на боевые посты наблюдения. Жил среди гогота и беспричинной матерной брани. И от этого никуда не спрятаться, только в храме или ненадолго уйти к морю.

И опять, как только слышится из-за дверей кимбы топот берцов по деревянному настилу, сердце сжимается в ожидании потока словесной грязи и пустого хохота и ничемных шуток. Иной раз слышишь: «Тихо – там батюшка, вон дверь у него открыта!». Видимого батюшку – стесняются, а невидимого Бога – нет! От этого сердце и ноет. Неужели это никогда не кончится? Мы прячемся в храмах от этого мира, а ведь он как лежал – так и лежит во зле. И люди в нём утопают, как в море! Так идите в «корабль спасения», подышите свежим воздухом. Нет, там чересчур чистый воздух, мы там задыхаемся, как рыба, вынутая из воды. Наша среда – смрад. Нам здесь хорошо. Своя вонь – не воняет...

Ужасают не только слова, а тон, тональность, вызывающая манера речи, по сути, скрывающая малодушие и закомплексованность. Помню, как один капитан первого ранга

при включении видеокамеры не мог раза три правильно произнести одну простую фразу, ведь в ней нельзя было добавлять ни «ля» ни «на». Вся надменность его сразу исчезла, когда он, обезоруженный, вдруг понял свою крайнюю неспособность чисто выразить свою мысль. Ему нужно было как бы уловить чистый ритм простых слов, имеющий свой размер и ритм без матерщины. Как художнику, который перед важным ударом кисти несколько раз по воздуху проводит рукой, чтобы задать ей нужный ритм и направление.

Заметил, что некоторые военные дважды повторяют одну и ту же фразу без мата, которая, видимо, должна вобрать в себя необходимое количество тактов, чтобы успеть обдумать, как лучше высказать следующую мысль цензурно. Это уже – «высший пилотаж». Выглядит, как педагогический приём для, якобы, лучшего усвоения информации.

Сегодня встречал в храме икону преподобного Серафима Саровского, которую привезли из «Химок» три офицера. Икону в этот храм благословил Святейший Патриарх Кирилл на Пасху. Ребята рассказали, что занимают определённые позиции в горах, отслеживая все летательные объекты, нацеленные на нашу базу. То есть они – наши хранители. Икону они должны были привезти раньше, но она у них задержалась на позиции на несколько дней и, видимо, не случайно. Один из этих офицеров сказал, что она их и сохранила во время того самого ракетного удара США. Стоящий тогда в наряде офицер рассказал, что он переживал, видя в небе летящие ракеты, которые низко прыгали по воздуху, как лягушки. Ракеты пролетели прямо над их головами в зоне прямой видимости. Вид у этих офицеров, вернее их лица напоминали радостные лица христианских миссионеров.

Сменивший отца Н. священник отец В. через пару дней позвонил мне и попросил принять его исповедь, так как, по его словам, разговор с отцом Н. привел его в состояние крайнего смущения и страха умереть без покаяния. В ближайшее время он приехал с группой артистов из Москвы и исповедывался в нашем гарнизонном храме. Отец В. уже после исповеди рассказал мне, что батюшка (отец Н.) его так запугал при встрече, что он потом просто плакал два дня, оставаясь наедине. Надо сказать, что потом отец В., борясь со своими страхами, не только выполнял определённый минимум своего послушания, но всячески пытался и выезжал на передовую, а затем и вовсе остался в Хмеймиме ещё на один месяц. Провожая меня в Москву по истечении моего срока, он мне говорил, улыбаясь, что просто ездит к бойцам на передовую из-за своего тщеславия, чтобы медали получить... Удивительной особенностью для этого замечательного священника является то, что он всяческими способами ищет любого повода помочь тебе хоть в чём-нибудь, а делает это с такой радостью, как будто это дело ему доставляет большое удовольствие. Он, будучи гораздо меньше меня комплекцией и скорее всего точно не сильнее меня физически, всё время по-

рывался нести мои баулы по взлетному полю. Потом только, когда я заметил, что он сильно учащённо дышит и отстаёт, забрал от него мою ношу, так как выяснилось, что он болен ещё и астмой... Потом он забрался провожать меня даже в самолёт и сидел со мной в салоне до самого отлёта, совсем как в поезде. Я видел его махающую рукой фигуру на «взлетке» через иллюминатор и думал, какие же у нас «бабки» замечательные!

Возвращение моё домой было для меня явно чудесным. Размышляя о том, как я буду возвращаться и сколько еще задержусь при сдаче моего «поста» и в «Химках», я предполагал, что это займет у меня максимум три-четыре дня, и это, по местным меркам – нормально. Думал, что отслужу крайнюю Литургию в субботу на последней просфоре и дальше поеду на главную базу служить в воскресенье с отцом В., а в понедельник буду заниматься отправкой, ведь мне сообщили, что с самолётами сейчас «напряжёнка». Много вылетов по определённой причин и люди ждут вылета неделями...

С Божией помощью, в субботу я ещё отслужил Литургию в Тартусе, а поздно вечером меня в Москве уже встречал отец Димитрий. А воскресную Литургию мы уже со слезами на глазах служили у него в храме.

Проходя с отцом В. по аэродрому около двух часов дня, чтобы отдать мои документы на вылет руководителю полётов, мы подошли к молодому капитану, стоящему на солнцепёке поближе к взлётной полосе, и спросили его, что он тут делает в такую рань, ведь самолёт около восьми вечера. «Не, я лучше здесь подожду, чтобы меня не забыли!», – был короткий ответ с улыбкой. Я вспомнил, как наша маленькая собачка всё время крутится около машины, когда мы начинаем грузить чемоданы, чтобы уезжать из деревни домой... Тоже – чтобы её не забыли.

Вот так хочется домой на самом деле всем, которые побывали в Сирии... Есть, конечно, исключения, но я к их числу не отношусь...

* * *